

623.8(092)

Г 12

Валентин Гагарин

*МОЙ
БРАТ
ЮРИИ*

Предисловие

Впервые повесть «Мой брат Юрий» была издана отдельной книгой в 1972 году. Интерес, проявленный к ней читателями по выходе в свет, не стал слабее со временем. И это, в общем-то, объяснимо. Главный герой книги — человек редкой пока профессии: космонавт. И не просто космонавт — Первый из их когорты в Союзе, на земле. Люди самых разных возрастов, самых несхожих призваний хотели и хотят знать как можно больше о жизни Юрия Алексеевича Гагарина.

Читательские конференции — в школах и вузах, на заводах и в колхозах, в студенческих стройотрядах и воинских частях... Письма — из самых отдаленных уголков страны. И во время встреч с читателями, и в письмах — многочисленные вопросы, а порой — особое спасибо этим людям! — теплые воспоминания, искренние рассказы о встречах с Юрой.

Вопросы — этой темы не обойдешь — бывают всякие: и серьезные и курьезные. К примеру, часто встречается такой — скорее всего из разряда серьезных: почему в повести так скупо говорится об отношении Юрия Алексеевича к жене и дочкам Лене и Гале? В ответ приходится разводиться руками: отношение было самым добрым, славным, Юра очень любил и Валентину и дочек, это общеизвестно, однако, товарищи дорогие, книга-то моя о другом — о нашем детстве, о нашей юности. О том, проще говоря, чему я сам свидетелем был, что сызмальства память моя сохранила...

Из категории курьезных стоит, пожалуй, привести такое письмо: «Многоуважаемый Валентин Алексеевич! Я прочитал книгу «Мой брат Юрий» и догадался, что у вас много знакомых среди космонавтов, что вы часто бываете в Звездном городке. Это хорошо. Дело в том, что я очень хочу прославиться и стать Героем Советского Союза. А прославиться и стать Героем легче всего, если сначала станешь космонавтом. В будущем году я заканчиваю восемь классов, и у меня к вам, Валентин Алексеевич, огромной важности просьба: устройте меня по знакомству в отряд космонавтов в Звездном, пока учеником, и, когда я там вырасту и выучусь, я достигну исполнения своей мечты. Надо спешить, потому что желающих много, и я не хочу терять время напрасно...»

Обратный адрес на конверте подсказывал, что автор письма — его звали Володей — живет в Рязани, где тогда жил и я. И — выпал счастливый случай — вскоре встретились мы с Володей на читательской конференции в школе. Мальчик понравился мне — своей честностью, откровенной прямоотой в разговоре.

Как-то не вязалась с его ясным взглядом эта фраза из письма: «...устройте меня по знакомству в отряд космонавтов...» Мы тогда долго и подробно говорили о том, как труден путь в отряд — много мужества, физических и нравственных сил требует от человека, и о том еще, что «по знакомству» никто и никого туда не устраивает.

История та давно случилась, несколько лет назад, и Володя уже среднюю школу успел закончить, и где он сейчас, к какому делу в жизни прибился — сказать не могу. Но с той нашей встречи с ним не дает мне покоя одна мысль. Вот о чем она — о том, что в газетных и журнальных наших писаниях, в книгах на эту тему профессия космонавта — и по праву! — опозитизирована, полна романтики. Но, может, не в ущерб романтике нужно порой акцентировать внимание и на тех трудностях, которые выпадают на долю каждого космонавта, пока не пробьет его «звездный час»? Впрочем, и после «звездного часа», после полета (или нескольких полетов) в заатмосферные дали — разве легче становится она, их работа? Я действительно бываю в Звездном и — пусть со стороны, поверхностно — могу, однако, судить о том, как напряженны будни Юриных товарищей. Постоянный поиск, каждодневная учеба, тренировки, самозабвенный труд, известная степень риска... Да и пример брата — вся его недолгая, не знающая лености, скидок на усталость жизнь — памятен мне.

В заключение хочу сказать, что повесть переведена в братских республиках, издательство «Прогресс» выпускало ее в свет на испанском и английском языках.

Валентин ГАГАРИН

Пролог

Ударил радостно школьный звонок и покатился по коридорам. В шестом «А» — класс находился на втором этаже — учитель поднялся из-за стола, ребята загремели скамьями.

Перемена!

Последняя перед последним в этом году уроком.

Мальчишки и девчонки сгрудились у распахнутых настежь окон. Каждому хотелось занять местечко поближе к солнцу и так еще, чтобы лучше видеть улицу.

В эту позднюю весну, на удивление всем, богато цвела сирень. Она тянула свои белые, розовые и синие кисти из-за деревянных изгородей палисадников к свету, к редким прохожим.

Когда вот так греет солнце и многожданные — с походами в зеленый лес, с долгим зореванием на Гжати — каникулы на носу, тут уж не до учебы. Самые интересные учебники вдруг скучнеют, всякая минута урока становится в тягость, и каждую перемену ох как ждешь не дождешься!

Кто-то из мальчишек вырвал из тетради листок, быстро соорудил «голубя» и швырнул в окно. Подхваченный волной теплого воздуха, «голубь» резко взмыл вверх, перелетел улицу и застрял в ветвях черемухи, в палисаднике напротив.

Выдумка пришлась ребятам по душе. И вот уже зашуршали тетради, явственней стал треск выдираемых из них листов, цветные обложки пошли в дело, и целые эскадрильи бумажных самолетиков — синих, розовых, красных — взмыли в воздух из окон второго этажа.

Мальчишки свесили головы с подоконников, ревниво — каждый за своим и за чужим одновременно — следили за самолетиками.

— Во мой парит!

— А мой-то, мой!.. Во-он куда полетел...

— Заливай! Твой кувыркнулся...

— Не кувыркнулся, а «бочку» сделал.

— Понимал бы ты: «бочку»...

— По шее хочешь? Так я могу.

— Отзынь, не то так врежу!

— А у моего центр тяжести лучше. Я гвоздь в нос ему воткнул...

По мостовой шел старичок: серый парусиновый костюм, соломенная шляпа, очки в проволочной оправе на горбатом носу. И еще — черная борода клинышком.

Заслышав ребячий гомон, старичок поднял голову вверх, улыбнулся, помахал ученикам рукой.

Тут-то и случилось непоправимое: самолет, выброшенный из окна последним, — великолепный оранжевый самолет из тетрадной обложки, со столбиками таблицы умножения на фюзеляже, с нарисованными красным карандашом звездами на крыльях, — прочертив в воздухе плавную дугу, стремительно пошел на снижение и спикировал прямо на старичка. Задел шляпу, очки, и очки упали на мостовую. Звякнуло стекло. Старичок нагнулся, шаря по мостовой руками.

Ребят из окон как ветром сдуло.

— Ой, он в школу идет! — пискнул испуганный девчоночий голос.

Когда в класс вошел учитель физики Лев Михайлович Беспалов, а следом за ним бочком протиснулся в дверь старичок в парусиновом костюме, ученики, приветствуя их, поднялись без обычного в таких случаях шума.

— Садитесь, — разрешил Лев Михайлович.

Сели не дыша.

— Кто это сделал?

Беспалов положил на край стола великолепный оранжевый самолет — тот самый, со столбиками таблицы умножения на фюзеляже, с нарисованными красным карандашом звездами на крыльях, но ребята как будто ничего не замечали: каждый сосредоточенно рассматривал крышку своего стола.

— Кто обидел пожилого человека? — повторил Лев Михайлович.

Класс молчал.

Старичок растерянно вертел в руках шляпу. Очки по-прежнему сидели на его горбатом носу, но одного стекла в них не доставало.

Беспалов прошелся из угла в угол, взял со стола оранжевый самолет, повертел его в руках.

— Вот что, ребята. Наказывать я вас не буду — через сорок пять минут начинаются ваши каникулы. Оставлять вас без обеда, вызывать родителей теперь уже бесполезно. Но вот рассоримся мы с вами, судя по всему, на целое лето.

Класс шумно вздохнул.

За окном, гроыхая на выбоинах, прокатила телега.

Шли минуты урока, но урок, по сути, не начинался.

И тут из-за стола в среднем ряду поднялся невысокий русоголовый мальчуган. Сосед отчаянно дергал его за штанину: сядь, мол, чудак! — но мальчуган обреченно отмахнулся.

— Лев Михайлович, — сказал он, — не надо со всеми ссориться: класс не виноват. — Мальчуган повернулся к старичку: — Это я сделал. Простите меня, пожалуйста.

Старичок прицелился в него уцелевшим стеклышком очков, пытаясь лучше рассмотреть виновника своей беды.

— Я не с умыслом — по нечаянности вышло, — повторил мальчуган.

Класс ждал. Старичок неопределенно пожал плечами, и вдруг добрая улыбка тронула его сухие губы, и тотчас она, эта улыбка, отразилась на лицах учеников.

— Честное признание снимает с тебя вину, мой юный друг, — изрек он с витиеватой старомодностью. — Я не в обиде. Да-с, не в обиде, на таких мужественных ребят нельзя держать сердца. — Пожилой человек обращался уже к учителю. — Сам кончил гимназию, как же-с, как же-с, тоже шалил, бывало. Возраст, ничего не поделаешь. Простим ребят, да-да, простим.

Лев Михайлович как-то некстати согласно кивнул головой.

Все вздохнули снова, на этот раз шумно и с облегчением, и тут же увидели в руках у Беспалова оранжевый самолет.

— Всякое увлечение хорошо, однако иногда и меру надо знать, — укорил ребят Беспалов. И откровенно признался: — А я уже было подумал, что разругаюсь с вами на целое лето. Не хорошо вышло бы... Договорились же строить летом настоящие модели...

В недавнем прошлом боевой летчик, участник Великой Отечественной войны, Беспалов хорошо понимал, что это такое — ребячья страсть к авиации. Сам когда-то, в довоенные еще годы, начинал в аэроклубе. Он и подогревал ее постоянно, эту страсть, организовав в школе кружок по авиамоделлизму.

— А сейчас продолжим урок.

— Извините-с!.. Еще минутку.

Старичок в парусиновом костюме, прежде чем покинуть класс, снова всмотрелся в мальчугана — тот все еще стоял за столом. Осведомился:

— Как зовут тебя, мальчик?

— Юра Гагарин.

История эта, приключившаяся с Юрой, стала известна в семье в тот же день. Когда вечером собрались ужинать, сестра Зоя спросила:

— Что, Юра, страшновато было каяться-то?

— Еще как страшно! — отхлебывая из жестяной солдатской

кружки молоко и запивая им черный хлеб, улыбнулся с хитринкой Юра.— Зато старичок очень добрый попался. Он, по-моему, сам робел не меньше нас.

* * *

...Сейчас, когда так много времени прошло с тех дней, пытаешься вспомнить все, что имеет какое-то отношение к детству Юры, к юношеским его годам. Что-то очень цепко, неизгладимо хранится в памяти. Что-то утрачено, потеряно и, однако, не совсем. Каждая поездка на место родового нашего «корня» — в село Клушино, встреча с друзьями собственной юности, с друзьями детства и юности брата, с людьми, близко знавшими его, тонким лучиком высветят вдруг что-нибудь полузабытое, нечеткое, не имевшее прежде определенной формы. И начинает работать механизм памяти. Извлекаются из неведомо каких тайников картины событий — тех самых, над которыми порой и не задумался бы.

Вот так и рождалась эта книга. И начать ее хотелось именно с этой картины — со старичка в парусиновом костюме, с оранжевого самолета из обложек ученической тетради, фюзеляж которого был испещрен цифрами таблицы умножения, а на крыльях — красным карандашом нарисованы звезды.

Почему именно с этой, постараюсь сказать чуть позже.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66